

Станиславский Лопухина не сыграл

Но исполнил одну из главных ролей в семейном деле

Двоюродный брат Станиславского Николай Александрович Алексеев, туз первой гильдии, директор-распорядитель фамильной канительной фабрики "Владимир Алексеев", свою общественную карьеру, свое восхождение во власть начал в конце 1870-х у Н.Г.Рубинштейна как директор-казначей Московского отделения Русского музыкального общества и Московской консерватории. Собирая на рубеже 1860-х деньги на создание в Москве новой музыкальной цивилизации — по образцу петербургской, Рубинштейн бывал в открытом богатом доме родителей Николая Александровича на Пречистенском бульваре. Николай Александрович, с детства знавший Рубинштейна и его боготоривший, как и вся Москва, занял место в дирекции МО РМО, которое освободил С.М.Третьяков в связи с избранием его в 1877-м городским московским головой.

Одновременно с Алексеевым в дирекцию РМО вошел Чайковский, выпускник Санкт-Петербургской консерватории, который с 1866 года преподавал по приглашению Николая Григорьевича Рубинштейна в Московской консерватории. Брат Петра Ильича Анатолий Ильич был женат на сестре жены Алексеева, так что Петр Ильич встречался с Николаем Александровичем и в частной жизни.

"Какой он все-таки самодур", — в сердцах говорил Чайковский о Николае Александровиче Алексееве.

Тот был настоящий купец, энергичный, с ненасытной жадностью и без сдерживающих центров. Натура широкая, загульная, он не знал удержу, зарывался и этим создавал себе массу врагов. Болезненно чувствительный к грубости, к бесцеремонности, Чайковский с трудом переносил Алексеева, когда сталкивался с ним как с "генералом от музыки".

Но он преклонялся перед "великими дарованиями" Николая Александровича, понимая, что тот достоин большего, создан для большего, чем РМО и консерватория: "Он некоторым образом приносит себя в жертву. Говорю это несколько не ослепленный, ибо особенно симпатии к нему не питаю. Но деловитость его, его ум, энергию не могу не ценить и счел бы огромной утратой для дела, если бы он ушел". Чайковский вполне устраивал характер делового общения с Николаем Александровичем. "Говоря с ним, вы знаете, что он говорит именно то, что думает. Убедить его возможно очень легко, и вы увидите, что он на всякие Ваши предложения будет согласен, если они будут клониться к общему благу", — рисовал Чайковский деловой портрет своего сослуживца по дирекции музыкального общества дядя тех, кто, мало зная Николая Александровича, подозревал в нем личную корысть, желание личной власти — в ущерб процветанию музыкального общества и консерватории.

А когда после смерти Николая Григорьевича Рубинштейна консерватория осталась без директора и среди профессорско-преподавательского состава, как водится, начался разлад, ссоры, пререкания, подкапывания друг под друга, интриги, с которыми мог справиться один Рубинштейн, Чайковский находил ему адекватную замену исключительно в лице Алексеева. Он считал, что Николай Александрович мог бы быть идеальным директором консерватории, он умел уладить дело. Его "дипломатия" не сжимала конфликты. Но, действуя авторитарно, давая своим авторитетом, он добивался формального примирения, подчиняя себе всех конфликтовавших друг с другом. "Как жаль, что Алексеев, вероятно, считает несоответственным своему достоинству или

неподходящим в отношении карьеры место директора", — сокрушался Чайковский в 1883 году, уже зная о намерении Николая Александровича, к тому времени главного Московского губернского земского собрания и гласного московской городской думы, выставить свою кандидатуру на пост головы.

Канитель с "канителью", если говорить словами Чехова, длилась с 1883-го два года. "Канительный фабрикант" был избран "лорд-мэром" только в 1885-м.

При Николае Александровиче Алексееве Москва богатели и хорошела, превращаясь из большой деревни в современный столичный город.

Его инициативе и энергии Москва обязана водопроводом и канализацией. Одного этого было бы достаточно, чтобы москвичи не забыли его как выдающуюся личность.

Он ввел освещение в ночное время. Городские площади, где торговали сеном и дровами, превратил в скверы. Привел в порядок городские бойни.

При нем по проекту архитектора Д.Н.Чичагова на Воскресенской площади было выстроено здание городской думы, куда она переехала из дома Шереметевых на Воздвиженке и где, по роковой случайности, настиг Алексеева смертельный выстрел.

При нем были проложены асфальтовые тротуары, хотя мостовые оставались еще булыжными.

Дошатый забор вокруг Александровского сада был заменен чугунной решеткой.

На бульварах он расставил скамейки. Завел для увеселения военные оркестры.

При нем новый, современный вид приобрела Красная площадь. Здесь по проекту архитектора А.Н.Померанцева были выстроены в ложнорусском стиле Верхние торговые ряды, нынешний ГУМ, взамен старых, спроектированных в начале XIX века О.И.Бове и давно пришедших в ветхость. Снести их до него никто не решался.

Всего им сделанного не очертить. И не только по части внешнего благоустройства города и организации системы образования бедных детей.

При нем и при его содействии была открыта городская Художественная галерея, и ей после его доклада городской думе и при его поддержке было присвоено имя братьев П. и С.Третьяковых, подаривших городу свои коллекции. Галерея сыграла в дикой жизни первопрестольной ту же роль, что и музыкальное общество, и консерватория, созданные Н.Г.Рубинштейном на купеческие деньги тридцатилетием раньше: она переменила художественный климат в Москве.

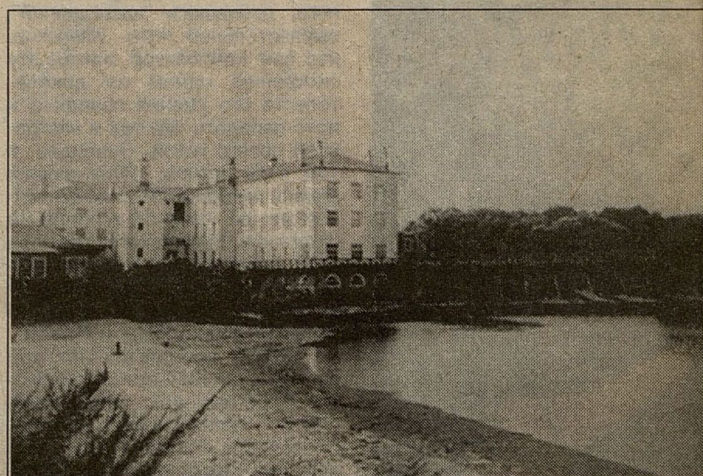
Все без исключения: и власти, и горожане, и газетчики — отдавали должное созидательной энергии Алексеева, его выдающемуся организаторскому таланту.

Ему прочили портфель министра торговли.

А он говорил: "Купцом родился, купцом и умру". Гордился тем, что всему в Москве голова. Бахвалился тем, что его власть в городе — абсолютна. Он купался в ней.

Алексеев остался в истории Москвы и России и как характерный тип московского купца последнего десятилетия XIX века, и как замечательный, выдающийся русский человек, и как эталон настоящего хозяина, внедрившего в городской быт и в городскую культуру прогрессивные современные европейские начала.

С ним ушла в прошлое целая эпоха восхождения купцов, пробившихся к власти. Может быть, продлился она, не оборвись жизнь Николая Александровича Алексеева, далеко не исчерпавшего свой потенциал нереплексивного лидера, от случайной пули, и история России, неотделимая от истории Москвы, сложилась бы иначе. Может быть, он все же занял бы высокий пост в правительстве России. Именно сильных купцов-мужиков не оказалось во главе страны в 1917-м.



Слева сверху: фабрика Алексеевых в Любимовке. Справа сверху: К.Станиславский. В центре: Н.А.Алексеев. Внизу: семья Алексеевых (слева направо стоят: Борис, Владимир, няня Ф.М.Обухова, Анна, Георгий; сидят: Любовь, Сергей Владимирович, Павел, Мария, Елизавета Васильевна, Константин, Зинаида)



ева, далеко не исчерпавшего свой потенциал нереплексивного лидера, от случайной пули, и история России, неотделимая от истории Москвы, сложилась бы иначе. Может быть, он все же занял бы высокий пост в правительстве России. Именно сильных купцов-мужиков не оказалось во главе страны в 1917-м.

Николай Александрович возлагал серьезные надежды на младшего своего кузена Костю, Константина Сергеевича Алексеева, будущего Станиславского.

Своих сыновей у Николая Александровича не было.

Он готовил из Кости себе преемника. Сам лично вел его за собой, приобщая и к фабричным делам, и к общественным. Может быть, к общественным, замечая природные склонности кузена, в первую очередь. Но и одаренность Кости в фабричном деле была несомненна.

Николай Александрович старался, чтобы Костя смолочу был на виду.

Еще в 1881 году он назначил восемнадцатилетнего Костю, бросившего гимназию и поступившего в фабричную контору фамильной "канители", распорядителем на похороны Николая Григорьевича Рубинштейна, кумира города и кумира самого Николая Александровича.

В мае 1883 года Николай Александрович подключил Костю к организации торжественной церемонии коронации Александра III на Красной площади, для которой Петр Ильич Чайковский писал музыку и подбирал и аранжировал хоры.

Исполняя отдельные поручения Николая Александровича, Костя обнаруживал безусловные задатки потенциального лидера — реактивность, решительность, энергию.

А когда Николай Александрович в 1885 году пересел из кресла директора-казначея РМО в кресло городского головы, Константин Сергеевич занял в музыкальном обществе его место. И, совсем юный, сумел заставить слушать себя своих маститых содиректоров по РМО — С.М.Третьякова, Танеева, Юргенсона. И даже самого Чайковского, который находил, что "новый директор очень симпатичный".

В течение трех лет Константин Сергеевич продолжал начатое в РМО Николаем Александровичем Алексеевым уже совершенно самостоятельно. Но под его приятным приглядом. Вникнув в

суть дела, он легко справлялся с повседневными обязанностями, решая вопросы покупок, ремонтных работ, организации симфонических собраний, школьных класов. И очень скоро, не довольствуясь текущей, стал инициатором постройки при РМО нового концертного зала и консерваторской школы сцены. Добившись финансовой и иной поддержки, он исполнил оба проекта, предварительно составив смету денежных расходов. И лично руководил строительством и отчитывался за него.

На посту содиректора Чайковского по РМО Константин Сергеевич действовал, как и его кузен, без рефлексии и с точки зрения организационной безошибочности. И, проявляя инициативу, выполнял работы, не входившие в его прямые, штатные обязанности, с какого-то момента стал выступать из рамок казначейства, как до него его кузен.

Общаясь с Константином Сергеевичем по службе в РМО, Чайковский чувствовал в молодом человеке, похожем на Николая Александровича, кроме обаяния, притягивавшего к нему людей, вызы-

вавшего "симпатию", еще и мощный созидательный организаторский талант, который он называл "великими дарованиями", когда говорил о Николае Александровиче. Он не однажды повторял, что, если Константин Сергеевич станет певцом, он напишет для него оперу на сюжет о молодом Петре Великом, которого молодой Алексеев ему напоминал внешне, — габаритами и силой, в нем клочковатой. Константин Сергеевич брал в ту пору частные уроки по вокалу у знаменитого в прошлом певца и педагога Ф.П.Комиссаржевского и мечтал об оперной карьере. Чайковский был убежден, что Константин Сергеевич сможет спеть и сыграть Петра, что он создан для этой роли.

Костя при этом конфузился, чего никогда не случалось с Николаем Александровичем — с Колей Тот не позволял себе "слабины".

Когда через три года службы К.С.Алексеев попросил сложить с него звание и обязанности директора-казначея РМО в связи с переполненностью работ на фабрике и в театре Общества искусства и литературы (театр и студия

при нем держались его капиталом и его энергией), Танеев, Третьяков, Юргенсон и Чайковский выразили сожаление по поводу его ухода. Удовлетворив просьбу, общее собрание директоров и действительных членов РМО все же избрало его в члены ревизионной комиссии для проверки отчетности РМО и консерватории. Без него уже трудно было обходиться.

Николай Александрович, тянувший Костю за собой и наблюдавший его успехи на фабрике, в РМО, в полечительствах и в благотворительных фондах, был доволен его деловыми качествами. Но одержимость Кости сценой его удручала: "Золотое дело идет не так потому, что у Кости не то в голове", — ворчал он.

Общественная карьера младшего Алексеева обещала состояться, быть может, не хуже, чем у старшего. Но, выйдя из РМО не в гласные московской думы с прицелом на пост головы, как Николай Александрович, а на собственную драматическую сцену, Станиславский фактически поставил крест на себе как на преемнике кузена — городского головы.

Но свой долг перед Алексеевским купеческим кланом и фамильным делом Станиславский исполнял безупречно.

Оставшись после смерти Николая Александровича фактически единственным толковым и рачительным хозяином фабрики, способным воспринять требования торгово-промышленной конъюнктуры и ответить на запросы рынка, развивавшегося в России с конца XIX века, он провел объединение двух родственных текстильных фабрик, стал во главе объединенной дирекции и правления товарищества и преобразовал канительное производство в кабельный завод, оборудовав его по последнему слову мировой техники. Предварительно он ознакомился с ней и закупил ее в Европе и заставил младшего брата Бориса стажироваться на заводе в Германии, работавшем на станках подобного рода. Борис Сергеевич должен был впоследствии, как было заведено у Алексеевых, заменить его на фабрике, как младший старшего. Но младший не оправдал его ожиданий. Он оказался непутевым.

Талант Станиславского сверкал в товариществе. Его предки: дед, дядя и отец — владели только счетами и грессбухом. Пожалуй, и Николая Александровича, слишком и всерьез отдававшего общественной деятельности — в ущерб предпринимательской, Константин Сергеевич в семейном деле оставил позади себя, опередив его в знании современного производства и в управлении им.

Но неодухотворенная фабричная повседневность, пусть и ультрасовременная, когда завершился процесс технического перевооружения производства, перестала удовлетворять его.

Талант, призвание, дарованные ему Богом, отлучали его от карьеры именитого московского купца.

Проведя в первой половине 1890-х реорганизацию фабричного производства, Станиславский фактически освободил себя от него, взвалив все проблемы будущей на старшего брата Владимира. На него можно было положиться. Тот добросовестно тянул лямку солидного, процветающего семейного дела и семейного долга, завещанного Алексеевым их праотцами, пожертвовав им свой музыкальный дар.

Но бразды правления оставались в руках Станиславского вплоть до Октябрьской революции 1917 года, когда советская власть все фабрики и заводы национализировала.

Станиславский не был купцом "настоящим".

Чехов, наблюдавший за кузеном "канительного фабриканта" и тоже "канительным фабрикантом", написал для него роль Лопухина в "Вишневом саде" — роль купца, богатого, крепкого, сильного, способного взорваться, кураться в минуты предельного напряжения нервов. Но душа "толстосума" Алексеева была "отравлена" эстетикой, как говорили о цивилизованных купцах современники. И Чехов дал Лопухину тонкую, нежную душу и тонкие, нежные пальцы, как у артиста.

Станиславский Лопухина не сыграл.

Занятие искусством не убавило в нем предпринимательской силы, ее хватило на создание в Москве и в России новой театральной цивилизации.

Но он не хотел ворошить в себе гены неотесанных сородичей. Стыдился их в себе даже на сцене.